

Сватовство и женитьба в былинах

© И.П. ЧЕРНОУСОВА,
кандидат филологических наук

На материале былин в статье анализируются фольклорные формулы в обрядах сватовства и женитьбы, отмечается противоречивое отношение к ним в былинной картине мира.

Ключевые слова: фольклорные формулы, лексические и лексико-грамматические формулы, варьирование, былинная картина мира.

Число былин, в которых повествуется о сватовстве, довольно значительно: это «Садко», «Михайло Потык», «Иван Гоудинович», «Дунай», «Козарин», «Соловей Будимирович». Их изучение показывает, что сватовство и женитьба героя в былинной картине мира отличаются амбивалентностью. Противоречивое отношение к браку В.Я. Пропп объясняет тем, что в былинной картине «сталкиваются две идеологии: старая идеология распада родового строя, при котором сватовство героизировалось, и новая идеология, идеология государства, которая такую героизацию отвергает» [1].

Материалом для исследования послужили авторитетные в научном отношении собрания фольклора: Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. I–III [2], Древние русские стихотворения, собранные Кирием Даниловым [3], Беломорские былины, записанные А. Марковым [4], Песни, собранные П.Н. Рыбниковым [5], а объектом изучения – фольклорные формулы, которые рассматриваются нами как носители традиционных типизированных культурных смыслов, воплощавших в себе мировоззренческие установки и ориентиры народа. Это формульные диалоги, характеризующиеся традици-

онным содержанием и устойчивой структурой: типовой последовательностью и типовым соединением реплик, состоящих из лексических и лексико-грамматических формул. Лексические формулы отличаются постоянством своего словесного наполнения, лексико-грамматические – воплощением семантически однородного содержания в устойчивых синтаксических конструкциях, включающих опорные слова и словосочетания. В этом случае «признаком стилистического трафарета является единообразие синтаксического построения» [6]. Если лексические формулы выделяются лексико-семантической тождественностью, то лексико-грамматические – стабильностью семантики и структуры (семантико-синтаксической идентичностью).

В фольклорных формулах происходит варьирование, свидетельствующее о том, что «при всей своей “сквозной” каноничности формула менее всего является какой-либо неподвижной окаменелостью...» [7]. Мы рассматриваем варьирование как структурные изменения (преобразования) формул с сохранением традиционной семантики. Выделим два типа варьирования.

Синонимическое варьирование – равноценная замена одного элемента формулы другим с тем же значением, функцией и в той же структурной позиции. Среди таких замен выделяются синонимы: словообразовательные – тождественные или очень близкие по значению слова, характеризующиеся общим корнем и различными словообразовательными морфемами, синтаксические – разные типы словоформ в сходных конструкциях и в одинаковой синтаксической функции, лексические (общеязыковые, включаемые в синонимические словари) – слова с очень близким значением, но образованные от разных основ, и контекстуальные – различные слова, имеющие в фольклорном контексте сходный смысл и выполняющие сходную функцию.

Количественное варьирование – изменение объема формул. Нами отмечены два способа количественного изменения: редукция – уменьшение, сокращение компонентного состава формул и амплификация – увеличение, распространение формул.

Сватовство в былине – обращение сватов (реже жениха) к отцу или дяде невесты из чужого мира за разрешением отдать дочь или племянницу замуж – выражается формульным диалогом, который имеет следующее строение:

1. – Ты / вы чего / пошто приехал(-и)?
2. – Я / мы приехал(-и) / пришли о (за) добр-ом(-ым) дел-е(-ом)
О (за) сватовств-е(-ом) / сватом (за-/по-)свататься
на твоей дочери / племяннице [называется имя].
Отдай с чести, с радости,
Без бою, драки кроволитные.
Не (от-)дашь с чести, с радости (добром / волей),
Боем [дракой кроволитною / нечестью] возъм-ём(-у).

Первая реплика, содержащая приветствие и вопрос о цели приезда, является факультативной, может отсутствовать (редуцированная форма диалога). Факультативные компоненты формульного диалога (первая реплика и часть второй реплики) выражаются лексико-грамматической формулой, а постоянный компонент формульного диалога (последняя часть второй реплики: «Отдай с чести, с радости, без бою, драки кроволитные...») – лексической формулой. В качестве варьируемых элементов выступают синонимы: словообразовательные (*свататься – засвататься, посвататься, дашь – отдашь*), общеязыковые (*для*) чего – почто (устар. и прост.) [8], синтаксические (*о добром деле о сватовстве – за добрым делом за сватовством – сватом свататься*), контекстуальные (*приехали – пришли; с чести, с радости – добром, волей – общее традиционное значение «честное сватовство»; боем – дракой кроволитную, нечестью – «нечестное сватовство»*).

Б.Н. Путилов писал, что «эпос о сватовстве не воссоздает реальный обряд и не следует ему. Но правила и нормы, по которым происходит эпическое сватовство, ситуации, в которые попадают его участники, соотносятся с определенной системой представлений о браке, которые в конечном счете восходят к этнографической реальности и вместе с тем отталкиваются от нее, так что в результате складывается своя “обрядность”, соответствующая общим нормам и понятиям эпического мира» [9]:

– Ай же вы удалыи молодцы!
 Вы чего сюда теперь приехали?
 – А приехали посвататься
 На твоей ли любимой на дочери,
 А й на этой Настасье Митриёвичной.
 Есть ли волей не дашь, мы боём возьмем.
 Испроговорит купец им богатыи:
 Ай же вы удалыи добры молодцы!
 У меня за три годы Настасьюшка просватана
 За того царя за Кощерища,
 А вы возьмите увезите, вам бог подаст.

[2. Т. II. С. 674].

Сватовство в былинной картине мира оценивается как доброе дело: «Мы за добрым делом за делом приехали за сватовством» [2. Т. II. 256].

«Ты здравствуешь, король е лиховинския!
 Мы приехали к тебе о добром деле о сватовстве
 На молодой Опраксии королевичной,
 За ласкова князя за Владимира».

[Там же. Т. I. С. 330].

«Батюшка король хороброй Литвы!
А поехал я за добрым делом, –
Засвататься на твоей дочери на Опраксии».

[Там же. Т. II. С. 185].

В анализируемой формуле участие дружины в сватовстве князя представлено как добыча ему невесты путем военного набега. Р.С. Липец отмечает, что это близко к поведению «дружины» жениха в свадебном русском обряде, связанном с архаичными обычаями реального участия группы сверстников в устройстве брака одного из них [10].

Женитьба в былине выражается лексико-грамматической формулой: «Всяк(-ий) [(удалый добрый) молодец / черт / дурак на сем свете / веку] (по-)женится, (А / да / только / как) не всякому (удалу добру молодцу) женитьба у-(за-/из-)дается. (Только) уда(ва)лась женитьба богатырям [называются имена]».

В анализируемой формуле в качестве варьируемых элементов выступают морфологические трансформы (*всяк – всякий*), синонимы: словообразовательные (*женится – поженится, удавается – задается, издавается*), контекстуальные (*удалый добрый молодец, черт, дурак – традиционный фольклорный смысл «всякий, любой»; свет – век*), союзы (*а, да, только, как*). Амплификация анализируемой лексико-грамматической формулой возможна за счет конкретизации слова *всякий (удалый добрый молодец / черт / дурак)* и уточнения места совершения действия (*на сем свете / веку*).

В эпосе еще не вполне преодолена традиция выбора невесты вдалеке. С другой стороны, если герой берет невесту не в родной Руси, а у неверных, как Иван Годинович, Михайло Потык, Добрыня Никитич, то такая женитьба является неудачной, решительно осуждается и навсегда клеймится позором. Богатыри, в отличие от сказочного героя-искателя, не ищут себе невесту, но находят ее неожиданно для себя. В отличие от сказки, где «женитьба на царевне – главная цель героя и высшая ценность в иерархии сказочных ценностей» (Мелетинский), в былине отмечается прежде всего, что женитьба не каждому удается:

Всякий на свете да женится,
Не всякому женитьба удавается:
Удалась женитьба Дунаю Дунаевичу,
Да старому Ставру сыну Годиновичу,
Да еще молодому Добрыни Никитичу.

[5. Т. II. С. 185].

Кроме этого, в былине содержится мысль о том, что женитьба не нужна старому человеку, потому что на старой жениться нет смысла и желания, а молодая жена будет чужой добычей и чужой выгодой. Только

удалый добрый молодец – молодой человек, начинающий свой жизненный путь, крепкий и здоровый, способен завести семью. Илья Муромец при выборе своего дальнейшего пути (былины «Три поездки Илья Муромца», «Последняя поездка Ильи Муромца», «Илья Муромец, разбойники и Идолище») раздумывает. Его размышления о женитьбе выражаются лексико-грамматическими формулами: «На что мне стар(ом) у жениться / женату быть? [Стар-ой(-ая) / худ-ой(-ая) жен-ы/-а (взять) не (за-)хочется / не надобна / не нажитися / не надержишься / мне замены нет / на печи держать. Молод(-еньк-)ая / хороша(я) (жена) взять – чужа(я) корысть / на людское счастьеце / хорошей не дадут / нечего на старости с молодой женой делати / пойдут дети]». Та же мысль отмечена и в пословице: «У старого мужа молодая жена – чужая корысть» [11].

В формуле варьируются синонимы: словообразовательные (*молодая – молоденькая*), контекстуальные (*старой – худой, молодая – хорошая, не захочется – не надобна, не нажитися, не надержишься, замены нет, на печи держать* – общее традиционное значение «нет смысла и желания», *чужа(я) корысть – на людское счастьеце* – «чужая добыча и чужая выгода»), синтаксические (*жениться – женату быть*). Формульный вопрос является постоянным компонентом, амплификация лексико-грамматической формулы происходит за счет высказывания, в котором содержится объяснение ненужности женитьбы для старого человека:

А на что мне-ка стару женату быть,
Мне-ка старая взять на печи держать,
А й молодая взять да чужа корысть.

[2. Т. II. С. 726].

Какъ в праву-ту дорожку ехать – как жонату быть;
Да нашто мне-ка старому женитисе?
Как старому, братцы, женитисе – всё чужа корысть;
Да пойдут от старого малы деточки,
Захотят малы дети пить и ись, носить цвѣтно платьице.

[4. С. 352].

Ничто-го на старость молодой женой делати;
Худой взять не хочется, а хорошей не дадут,
А какъ хороша взять – на людское счастьеце.

[5. Т. II. С. 370].

Создание семьи в былине, в отличие от сказки, оценивается как доброе дело, но представлено как добыча невесты путем военного набега. Если женитьба в волшебной сказке – путь к достижению гармоничного состояния сказочного мира (в сказочной картине мира итогом являлся

свадебный пир), то женитьба в былинах не каждому удается и старому не нужна. Неудачная женитьба (на иноземке, иноверке и на замужней женщине), напротив, нарушает гармонию эпического мира и ведет к конфликтам.

Литература

1. *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. М., 1958. С. 87.
2. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4. Т. I–III. М.-Л., 1949–1951.
3. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.-Л., 1958.
4. Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.
5. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. В 3 т. М., 1909–1910.
6. *Неклюдов С.Ю.* О стилистической организации монгольской «Гесериады» // Памятники книжного эпоса: Стиль и типологические особенности. Сб. статей. Отв. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1978. С. 53.
7. *Мальцев Г.И.* Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики (Исследование по эстетике устно-поэтического канона). Л., 1989. С. 53.
8. *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. 11-е изд. М., 2001. С. 147.
9. *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб., 1994. С. 123.
10. *Липец Р.С.* Эпос и Древняя Русь. М., 1969. С. 98.
11. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. В 3 т. М., 1984. Т. II. С. 90.

*Липецкий государственный
педагогический университет*